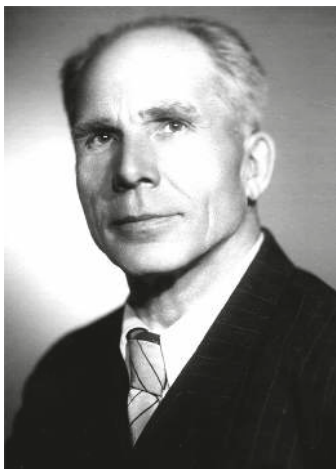

Часть 1: Первая мировая война.

Новый этап. Я – солдат.

Я не имел никакой специальности и был ещё очень молод. Три рубля – заработок переписчика – давался нелегко. Во-первых, нужно было работать в день не менее 10 часов, во-вторых, был на побегушках, и были чиновники, которые тонко издевались над мальчишкой. Я решил подать заявление и пойти на войну охотником. Вскоре я предстал перед военно-медицинской комиссией. Попал в один из кабинетов, где было два врача. Меня осмотрели, один из врачей говорит другому при мне «Куда этому

мальчишке идти на войну, ведь он при первом же случае загнётся».

Второй ответил: «Ну что же?! Война – либо загнётся, либо выживет. Пусть будет солдатом».

Так я стал солдатом. Так исполнилась моя юношеская мечта.

В 106 запасном батальоне

106 запасной батальон был расположен в Вятке, в бревенчатых тёмных бараках. Одевали всех солдат в старое обмундирование, которое выдавалось для прохождения срока обучения на 2-3 месяца, а потом оно заменялось на фронтовое обмундирование. Полученная одежда прослужила уже 5-10 очередей, вновь пришедшие её чинили и надевали. Кормили, как правило, супом гороховым, куда закладывалась нечищенная вобла. На второе, как правило, давали пшённую или гречневую кашу. С первого дня началась учёба – муштровка.

Помню, была ещё зима, зима холодная, когда приехал на смотр генерал. Мы стояли несколько часов в кожаных сапогах. Многие солдаты с этого смотра были отправлены с обмороженными

ми руками и ногами, и такое было не однажды. Бросалось в глаза, что в этом запасном батальоне было много сотен представителей Грузии и других южных народов России. Они были одеты легко, многие болели очень тяжело, многие умирали. А вся медицинская сила – был один фельдшер.

В батальоне, и в частности у нас в 10-й роте, повзводно или по отделениям проходили «теоретическую учёбу», по которой мы были обязаны точно знать: «Его императорское величество... Её императорское величество... что внутренние враги – это студенты и другие, выступающие против Его величества и т.д.». Это вдалбливали часами. Занятий всякого рода – строевых, полевых, теоретических в сутки было по 14–15 часов. Занятия и разные работы сопровождалась большим количеством наказаний и мордобитием.

Командир роты прапорщик Птицын обращался к солдатам с брезгливостью. Не знаю, кем он был до военной службы. За каждую мелочь он наказывал: «В ружьё» – это нужно было с полной выкладкой мешок с камнями и 12-фунтовое ружьё стоять по команде «Смирно» столько времени, сколько определялось командованием. В памяти не сохранилось ничего светлого об этом времени, а только унижение, ругань, рукоприкладство, издевательство. Не было ни выходных, ни праздников. Казалось – только заснули, как сразу поднялись. То было четыре часа утра. Здесь рабочий день начинался так рано, а заканчивался около одиннадцати часов вечера без каких-либо часов отдыха. Многие не выдерживали, сваливались, и их списывали. Были случаи сходные и у нас.

Началась учёба

Началась, конечно, не учёба, учиться я был всегда готов. Началась дрессировка, и проводилась она изо дня в день, выдрессированными кадрами упорно и безжалостно. Дрессировка проводилась по девятнадцать часов в сутки; никто из нас никогда не оставался один или двое в группе, мы всегда были на глазах начальства. В четыре часа дневальные кричали «подъём», понежиться и подумать – сразу получить или ремнём, или в зубы. Одевались как по тревоге, и далее каждому из 250 человек нужно было сделать какую-то работу: вымыть все полы двухэтажного здания – спальни, классы, коридоры, уборные, канцелярии. На это давался один час. За это время нужно было закончить туалет, привести в порядок одежду и себя. Ровно в 5 часов команда: «На прогулку». На построение 3–4 минуты, выводят взводного с винтовками, строевая прогулка бегом, а иной раз гусиным шагом. Далее тоже слышно: «на гимнастику» – это в 6 часов утра. То и

дело слышалась команда «отставить», и всё начиналось сначала. По возвращении с прогулки нужно было шинель и всё прочее уложить на кровати, и чтобы у всех, «как у одного».

Далее вы слышите «на гимнастику» – это в 6 часов утра. Начинается она в коридорах, а потом в зале, и всё бегом. Каждому в очереди команда: «на турникет», «отставить», «на брусья», «на кобылу» и «отставить». И сколько вы тут получаете в зубы, не счесть.

В 7 часов нужно быстро почистить винтовку и одежду. Следующая команда – «на молитву». После молитвы остаются минуты на завтрак, который начинается без команды. Один из четырёх хватает котелок, приносит его, и четверо едят из одного котелка.

8 часов. Команда «на занятия». Около часа отделение осматривает каждого солдата: одежду, сапоги, внешний вид. Каждое упущение ведёт к обязательному наказанию.

Потом начинает осматривать взводный унтер-офицер, через 15 минут осмотр повторяет взводный офицер, а за 10 минут до 9 часов – поручик Козлов. В руках у него добротная плётка – не подумайте, что для коня, нет, для нас – учеников. Как услышишь команду «Смирно! Равнение направо, господа офицеры!», замри, иначе будет плохо. Господин Козлов объезжает вдоль развёрнутого строя, не одного злобно выругает, а то и ударит плёткой.

В 9 часов команда «по классам». В одном классе преподают полевой устав, в другом – строевой, в третьем – караульный.

Идёт всё, как по конвейеру.

Вот класс «полевого устава». Преподаёт сам поручик Козлов. Сидит он за кафедрой и выстраивает трёх солдат слева и трёх справа. Задаёт вопрос: «Что такое донесение». Отвечай ты, ты и ты. Как только кто-нибудь споткнулся, начинает каждого бить по лицу. Коли к нему попадали на третий или четвёртый уроки, а он уже свои руки отбил, то командовал: «А ну-ка, Иванов, дай ему за то, что он не знает». Иванов бьёт по лицу Петрова. «А ну, Петров, дай Иванову за то, что он плохо бьёт!». А теперь Иванов дай Петрову...

Эти издевательства старшего начальства были замечательным примером начальникам рангом пониже. Так примерно проходили занятия во всех классах. В первом взводе прапорщик Васильев «бил крепче поручика». Так примерно, происходили занятия во всех взводах. У нас в четвёртом взводе командир прапорщик (не помню фамилию) был человеком гуманным, не бил нас, меньше гонял бегом на строевых занятиях. Солдаты других взводов нам очень завидовали, но он сам, видимо, имел немало неприятностей.

Так, примерно, шли наши «теоретические занятия», которые заканчивались в час дня.

В 13 часов нас кормили. Ели торопливо, так как многие провинившиеся должны были отбывать наказание. О них я расскажу отдельно.

В 14 часов снова команда: «на занятия, строиться на улице». В скорости построения взводов происходило соревнование, опоздавший взвод получал коллективное наказание. Занятия происходили, главным образом, за городом. Гоняли нас часто часами и без кратковременного отдыха.

Возвращались в казармы поздно, по городу шли, печатая ногу. Господин подпоручик ехал на своей лошади верхом, и если замечал, что кто-то споткнулся или, печатая шаг, попадал в яму, то останавливался и внушал плёткой, куда попадёт. А когда выходили на главную улицу, где гуляли горожане и гимназисты с гимназистками, командир изрыгал площадные поговорки.

В казарму возвращались не ранее 19 часов. Казалось бы, все устали, и кончается день. Да, день закончился, и начинается тяжёлый вечер.

Через 10 минут после прихода с занятий команда «на ужин». Опять один из четырёх бежит за кашей, и опять солдаты быстро едят в ожидании команды на очередную процедуру. Да к тому же, если зазеваться, то остальные быстро всё съедят.

20 часов. Команда «на поверку». Вся команда выстраивается в длинном коридоре по четыре. Повзводно идёт подсчёт по количеству: «по порядку рассчитайсь», далее начинается проверка по фамилиям. Каждый из названных кричит: «я». Команда «на молитву» – все поют «Отче наш»....

Далее зачитывают приказ по полку, касающийся учебной команды, затем объявляются наряды дневальных, уборщиков, кого куда. Всё это занимает целый час или больше.

21 час – команда: «На занятия по классам!» Это значит, что все идут зубрить уставы, а кто получил наказание, идут на их отбытие. На эти занятия отведено два часа. Кое кто, зубря, уставши, начинает дремать. За кафедрой сидит унтер, который следит за всеми, как ястреб. Он встаёт, снимает ремень, крадётся к уснувшему и бьёт его изо всех сил по спине ремнём с бляхой. Издевательски смеясь, спрашивает «Хороший сон увидел? – и командует – стоять!». Задремавший должен учить устав, стоя.

К 23 часам солдаты незаметно для унтера начинают, где можно, расстёгивать пуговицы, развертывают потихонечку портянки

с ног и складывают их в карманы. Все ждут команды: «Встать!» «В три отчёта – спать!». Это значит, пока унтер считает: «Один, два, три, смиренно!», нужно вылететь из класса, добежать до спальни, раздеться, уложить в порядке одежду, поставить сапоги и лечь под одеяло. Не успевшие понесут публичное наказание. Это наказание совершалось после того, как все легли, или редко – на другой день.

Каждый месяц устраивались ночные тревоги – обычно 2-3 раза. Однако распорядок дня они не меняли.

Мне 19 лет. 14 месяцев я на военной службе. Эти месяцы были чрезвычайно тяжелы. Но вот я в новом офицерском обмундировании со шпагой на боку. Те унтеры, которые вчера оскорбляли и подсовывали кулаки под нос, сегодня при встрече козыряют. С одной стороны чувствуешь себя начальником, а с другой – долго в этом мундире кажется не по себе.

Назначен я на службу в 163 запасной пехотный батальон, расположенный в гор. Челябинске, командиром взвода. Прибыв на место, как положено, представился адъютанту полка, в те времена они были и начальниками штаба. А он представил командиру батальона – полковнику /фамилии не помню/. Полковник строгий: помню, на меня что-то зыкнул и назначил временно исполняющим обязанности командира роты. Видимо, в моём деле были хорошие отзывы: в этой 4-ой роте были прапорщики со стажем. Это было мне неясно, и чувствовал я себя неудобно. Однако вскоре вернулся командир роты подпоручик Коваленко, и я пошел командовать 4-м взводом, но считался первым заместителем командира роты.

После выяснилось, что прапорщики все выпивали, военным делом они не интересовались, зато все были из привилегированных классов, и все страшно боялись попасть на фронт. Я говорю об офицерах 4-ой роты ко времени моего прихода в неё.

Началась трудовая жизнь.

Вскоре наш полк был в лагере. Я нашёл общий язык с солдатами своего взвода. Много обращал внимания на действительную учёбу, старался сделать её интересной, и вскоре взвод стал в роте лучшим. Но я оказался плохим офицерам своей роты. Я не пил водку, не курил, много сидел над учебниками, книгами. Моим коллегам это было непонятно и дико. Начались за спиной насмешки. Начались осложнения, когда я вмешивался в защиту больных солдат, освобождённых от работ, а их выгоняли на работы. Я никогда не бил своих солдат, хотя и был строгим.

Здесь было немало неприятностей с командиром роты, когда он придирался к обучению. Тогда я приносил Устав и ему требования устава, по которым я действовал. Он принуждён был соглашаться с оговоркой, что их в Виль..... военном училище учили не так.

Вскоре начала формироваться очередная рота на пополнение войск фронта. Эти роты были литерными, постепенно в одной роте было фактически до 4-х рот. В середине лета 1916 года я был назначен командующим одной из таких рот. В составе роты была молодёжь – одногодки. Я их начал готовить к боевым действиям. Я много уделял внимания гимнастике, соревнованию взводов, нередко покупал либо безделушку – дарил победителям или просто давал серебряный рубль взводу или отделению. Но все эти награждения делались в секрете от других офицеров – это тогда не применялось.

На одном из полковых смотров моя рота была признана лучшей. Это было хорошо, когда роту и меня ставили в пример, но, с другой стороны, выявилось недружелюбие офицеров не только нашей роты, но и других. В августе 1916 года я со своей маршевой ротой отправился по направлению к фронту в гор. Ржев.

Из Челябинска следовали через Пермские и Вятскую губернии, а солдаты моей роты были большей частью уроженцами этих губерний. В старой армии дезертирство было из всех частей, особенно в пути, поэтому к солдатам применялись жесткие меры при транспортировке. Ко мне стали обращаться солдаты с просьбами разрешить им отлучиться на 2–3 дня с обещаниями около Москвы догнать. Я всем отвечал, что я не имею права отпустить и отказывал, но не применял общепринятых мер. Солдатам я говорил, что их уход явится позором для роты и для меня. Однако, когда я проверил на одной из станций, то не досчитался больше половины роты. Эшелоны шли в те времена медленно.

Я волновался, но не показывал вида. По приезде в Ржев и после выгрузки из эшелона проверка показала, что солдаты все до одного были в своих взводах. В то же время, в других ротах этого эшелона не досчитались по 10-12-15 человек. Я был рад не только тому, что в моей роте не было дезертиров, но, главное, что моя вера в солдат подтверждена практикой жизни.

50-й запасной полк. /Август – ноябрь 1916 года/

При отправке к новому месту назначения в моём послужном списке было записано: «Назначен командующим ротой пополнения в 76 составе эшелона 870077 гор. Вязьму и далее следует

распоряжением Начальника Военного Сообщения Западного и Северного Фронта в город Ржев в распоряжение 27 запасной бригады». Расстояние от Челябинска до Ржева 1500–2000 километров, и следовали мы не менее 10 дней.

В пути много фруктов, но в связи с желудочными заболеваниями покупка фруктов солдатам была запрещена. Об опасностях есть фрукты солдатам разъяснилось, но это мало что давало. Специально принятые меры создавали большие трудности.

Где-то в пути мы получили сообщение, что по нашему пути должен следовать поезд царя Николая II, и указание, что в случае приказа о смотре, наши воинские подразделения были готовы, а, главное, чтобы смогли отвечать на приветствия. При каждой остановке мы выводили свои роты и учили их отвечать на приветствия. Целый день роты кричали: «Здрав. желаем Ваше Императорское».

Наконец, мы прибыли в город Ржев. Это был довольно большой деревянный русский городок. В это время он представлял собою военный лагерь, где господствовал 27 запасной бригады полковник Мириманов, высокий кавказского вида человек, чрезвычайно властный и требовательный командир. Когда он ехал по городу, то все жители и гарнизон знали, что едет начальство на своей паре лошадей, потому что все полицейские, которых в городе было много, и солдаты кричали: Ваше высокоблагородие!». Он здесь был, как говорили: «царь и бог»

На другой день по прибытии войсковых эшелонов они подвергались смотру группой офицеров во главе с командиром полка – полковником/фамилию не помню/ довольно грузным, но подвижным человеком. Он был известен не только, как командир полка, но и как человек, женатый на даме, сестра которой была женой Начальника Полевого штаба Верховного главнокомандующего – генерала инфантерии – Алексеева. Полковник тоже был человеком грубым и властным.

Смотр заставлял всех командиров рот нервничать, т. к. каждый смотр приносил немало неприятностей. На другой день наши роты были выстроены. Кадровые офицеры полка ходили возле наших рот, посматривали на нас и пугали разносом командира полка и разными карами. Хотя мы были совсем молодые командиры, но старались держаться спокойно и подбадривали своих солдат.

Наступил смотр. Вышло так, что из 5 рот, на смотр рота, которой командовал я, шла последней. Не один час мы стояли в стороне и смотрели издали, как шумят и кричат около смотровых рот. Наконец, мы получили приказ выйти на площадку смотра. Рота подтянулась, и я повел её к месту смотра. Остальные роты стояли

в 100 метрах от смотровой площадки, перед ними офицеры во главе с командиром полка, и он разносил командиров четырёх маршевых рот.

Роту я построил повзводно и развернул по Фронту, выровнял её, скомандовал «Смирно!», повернулся в сторону командира полка и «печатая» шаг, подошёл и отрапортовал: «Господин полковник, рота пополнения № 76 построена для смотра. Командующий ротой прапорщик Терентьев!».

Суровый командир полка, как мне показалось, немного размяк. Он подошёл к роте, а за ним все сопровождавшие его офицеры, поздоровался с солдатами, которые дружно ответили: «Здравия желаем...». Полковник шёл по рядам, всматривался в солдат, нет, нет, да и задавал солдатам, они бодро отвечали. Начались по указанию комполка перестроения, я, не отходя от него, подавал команды, взводы быстро и чётко перестраивались, поворачивались, рассыпались в цепь и т. д. Наконец, полковник заговорил со мной, а рота удалилась от нас в поле. Я, вытянувшись перед ним, отвечал на вопросы, а рота, «печатая шаг» удалялась, видимо, ушла шагов на 200. Внутренне я волновался, сообразив, что этот номер у меня не был отработан, а ветер был в нашу сторону и я чувствовал, что погорел. Наконец, напрягая все голосовые связки, поднял руку вверх и что было сил скомандовал: «Кру-у-гом!» и под звук «гом!» резко опустил руку. И моя рота, как один человек, повернула и пошла на нас.

Командир полка сказал мне спасибо и объявил, что рота подготовлена отлично. Тем временем рота шла к нам, я её остановил, полковник подошёл к роте и сказал: «Молодцы солдаты 76-й». Мне же сказал, что «Вы могли батальоном, ведите все 5 рот в казармы». Я дал приказ командирам рот построить в походную колонну, дал команду «Шагом марш!». Моя рота шла головной. Настроение у солдат всей роты и у меня стало праздничным.

Вновь учёба

На другой или третий день было объявлено, что рота, которой я командовал, идёт на пополнение учебной команды полка, которая только что выпустила три сотни ефрейторов и младших унтер-офицеров для подразделений, идущих на фронт. Из роты было изъято только 6 человек, которые заявили, что они неграмотны и не умеют писать. Я же был назначен младшим офицером этой учебной команды. Ещё через день моя рота перешла в

казармы учебной команды. Мне же было объявлено, что я один из полка направляюсь на офицерские курсы повышения квалификации, или как тут называли, курсы ротных командиров. А через день я получил предписание из 50-го зап. полка, в котором значилось: «Согласно отношению Начальника штаба 27-й отдельной запасной бригады от 23 августа сего года /1916/ за 20773, прапорщик Терентьев Я. М. на офицерские курсы Западного фронта». Курсы были расположены в том же гор. Ржеве, а с 1 сентября я уже приступил к учёбе.

На этих курсах были сосредоточены довольно опытные боевые офицеры Западного Фронта, которые получили ранения и контузии в боях этого фронта. На этих курсах, продолжавшихся два месяца, была напряжённая учеба, где преподавались действия войсковых частей в условиях боя. На этих курсах я считался одним из лучших курсантов и назначался командовать ротой на строевых и полевых занятиях. Командование на смотрах осуществлялось офицерами штаба бригады.

Мои товарищи по общежитию меня тут прозвали «полётом», только потому, что я один из многих сотен офицеров каждый день бегал на железнодорожную станцию «Ржев» за газетами, которые уже давно читал. В частности, я увлекался газетой «Русское слово»; была такая либеральная газета, которая издавалась Сытиным. Когда меня спрашивали, как это мне хочется заниматься политикой, я не знал, что ответить, Откровенно говоря, я и не понимал, что такое политика.

Но вот я окончил курсы, вернулся в свой полк, почему-то вначале был назначен в 12-ю роту, был там несколько дней, а потом был вызван к командиру полка и назначен командиром взвода учебной команды 50-го запасного полка. В учебной команде были ещё солдаты моей маршевой роты, которые меня приняли, как родного отца, хотя я был их одногодок.

Педагог и «политик»

Неожиданно я стал педагогом. Преподавание военных знаний у меня шло хорошо. Я совершенно не пил водки, чем большинство офицеров довольно основательно увлекалось. Основательно увлекались они и карточной игрой. Кое-кто «отличались» в городе битьём стекол в домах, где жили девушки, не ответившие им взаимностью. Эти «отличники» немедленно откомандировывались на фронт.

Я много читал: всё, что попадалось под руку, особенно военную литературу и газеты. Много разговаривал и делился прочитанным с солдатами и, в частности, прочитанным в газетах, совершенно не придавая этому никакого значения. Примерно через месяц в один «прекрасный» день в мой класс заявилось начальство во главе с командиром бригады полковником Миримановым. Понятно, я поднял взвод, отрапортовал, и полковник – гроза гарнизона дал указание идти в другие классы, а сам сел за парту и приказал продолжать занятия. Я что-то объяснял своему классу, полковник сидел и внимательно слушал. Продолжалось это около часа. Присутствие «высокого» гостя меня очень смущало. Закончив урок, я попросил разрешения закончить занятия. Он разрешил и дал указание, чтобы солдаты вышли. После их ухода он мне говорит: «Я доволен преподаванием, но зачем вы рассказываете солдатам о министре просвещения Кассо и прочем?». Вначале я не понял, в чём дело, а потом припомнил. Он мне заявил, чтобы я не занимался политикой, и тем более с солдатами. Я ответил: «Слушаюсь!».

В первый же день, как мы отправились на занятия в поле, были перетрясены все тумбочки и ящики солдат, рылись и в моих вещах. Я вначале подумал, что какой-то вор искал у меня какие-то ценности. Потом мои солдаты рассказали, что у них искали политическую литературу. Видимо, командиру учебной команды за меня основательно попало. Резко изменилось отношение ко мне со стороны офицеров. Я тогда не понимал политической обстановки в стране и не понял новых отношений офицеров ко мне.

Вскоре в подал рапорт об отправке на фронт. Так окончилась моя педагогическая деятельность.

Но при всякой возможности я с интересом читал газеты: «Русские ведомости», и «Копейку».

В послужном списке мне записали; «Согласно рапорту и телеграмме начальника 27 отдельной запасной с. г. за 22827, командирован на сборный этап 2 армии в распоряжение начштакор три Сибирской дивизии.

Исключён из списков полка».

Западный фронт

Следуя на фронт, да ещё впервые, невольно подводишь итог своей короткой жизни. Жизнь представлялась мне тяжёлой. Из разговоров солдат и офицеров я слышал, что русское общество находится в условиях угнетения. С окончанием войны люди свя-

зывали надежды на лучшую жизнь. Нередко приходилось слышать: кончится война, пойдём войной против царя. Это звучало непривычно, но где-то в душе казалось правильным.

Чем ближе к фронту, тем больше страданий и противоречий. Солдаты и офицеры, занимавшие в бою немецкие окопы, рассказывали, как они добротны устроены по сравнению с нашими «землянками». Думали, почему так и связывали, в первую очередь, с казнокрадами. В тылу было много офицеров, генералов, полковников. Чем ближе к фронту, тем больше командовало прапорщиков, в том числе вышедших из народа. Обращала внимание трусость офицерства. К концу 1916 года я не видел патриотизма, казалось, господствовало желание мира и уныние. Много было разговоров о рабочих забастовках и демонстрациях в Петербурге и других городах.

На боевом участке

Прибыл в 3-ий Сибирский корпус, дивизию, 8-ую Сибирскую дивизию, 32-ой Сибирский стрелковый полк. Принял меня адъютант штаба полка и сказал, чтобы я принял командование пешей разведкой. Я доложил, что изучал строевое и боевое дело, но мало знаю практику разведывательного дела. Оказалось, что запрашивали офицера для разведки. Однако по моей просьбе меня назначили командиром взвода 7-й роты, а на другой день я попал на переднюю линию фронта. На фронте было сравнительно спокойно.

Следуя на фронт, мне довелось видеть дворец князя Мирского, где находился штаб полка – в местечке Мир. Новый дворец имел картинную галерею, библиотеку, прекрасно оборудованные залы.

Сибирский полк к моему приезду занимал позиции по реке Уша, окружённой болотами. Мы располагались на возвышенном берегу в 1–1,5 километрах от немцев, которые занимали противоположный возвышенный берег. Участок был спокойный. Офицеры жили спокойно с барскими повадками. Меня поселили вместе с исполняющим обязанности командира роты – поручиком Степановым, сыном московского купца. Из его слов можно было понять, что всю ночь офицеры играли в карты – в «железку». Утром нас разбудил дневальный, дал в кровати умыться и в кровать же принёс стаканчик какао с сухариками. Потом мой начальник повернулся на другой бок и спал до полудня. Этот «порядок» благодушия и самотёка был мне не по душе. В ближайшие дни я знакомился с офицерами роты и солдатами своего взвода.

У солдат жизнь была монотонной и куда более тяжёлой, чем у офицеров. Жили они в землянках тесных, грязных и чёрных от

копоти. Каждый из солдат имел назначения: были то в «секретах», то при пулемёте, кто следил за направлением ветра, т. к. немцы иногда использовали ядовитые газы.

Солдат кормили плохо, мылись они редко, хотя в роте одна землянка была приспособлена под баню. Вшей у солдат была такая масса, что, выходя из землянки, я снимал рубашу и десятками сбрасывал их в снег. В окопах было огромное количество мышей, а во время еды они выглядывали из щелей. Офицерские землянки нередко обивались мешками, но и тут мыши выглядывали в дырки и смотрели вам в глаза. Офицеры охотились на них вилками.

Солдаты вначале были неразговорчивы. Первые недели я все ночи проводил в «секретах». Это был круглый окоп, находившийся впереди боевых окопов за 2-м или 3-м рядом проволочных заграждений. Сидели в «секретах» напряжённо по 2 солдата в течение 2–3 часов. Разговаривали шёпотом. Иногда немцы пролезали через проволочные заграждения, снимали наши «секреты», и солдат уводили или закалывали штыками.

В окопах я слышал солдатские разговоры о жите-бытье. Видел недовольство войной, голодом, тяжёлым положением дома. Немало говорилось о произволе в тылу. Постепенно создавалось тяжёлое настроение. В окопах я начал изучать разведывательное дело. Отбирал из отважных солдат разведчиков и просил разрешения командира роты изредка выходить на разведку к окопам немцев.

Поскольку я не пил водку и не играл в карты, мне было противно наблюдать за азартными ночными играми офицеров, и у меня с ними было мало общего. Среди офицеров было немало и наркоманов. Отношения с офицерами складывались только официальные. Я читал все книги, какие только попадались. Об интересном я рассказывал солдатам, и у меня с ними постепенно начали складываться хорошие отношения. Я никогда не позволял панибратства, проявлял немалую строгость, но я к ним был близок.

В одной из разведок нам удалось снять немецкий секрет. Взятые два солдата были пожилые, в старых солдатских шинелях мирного времени с красными погонами. Отправили их в тыл, и начальство полка было довольно. Командиру роты была объявлена благодарность.

Чем больше мы ходили в разведку, тем яснее становилось, что немцы непрерывно строились. Через месяц мы – небольшой разведывательный отряд – ворвались в немецкие окопы и увидели железобетонные благоустроенные окопы; с электрическим светом, а в офицерской землянке нашли и женские принадлежности. Мы закололи несколько немецких солдат, а трёх увели собой.

Немцы за это нас основательно наказали: подвергали артиллерийскому обстрелу в течение трёх дней. Днём, наблюдая за действием артиллерийского огня, можно было видеть, как наши лёгкие окопные перекрытия летят в воздух.

Так прошёл декабрь 1916 года. Скучно мы начали новый 1917-й год. По ночам офицеры, как всегда, пили, ели и отчаянно играли в карты, на столах нередко собирались груды бумажных денег с царскими головами на бумажках. Среди офицеров было много разговоров о предстоящих больших боях. Прапорщики, в большинстве случаев, в этих разговорах занимали пассивную роль.

Вскоре мы отошли на отдых в тыл, километров за 25–35 от фронта в район местечка Мир. Для солдат это было приятное мероприятие, было больше строевых занятий, но расквартировывали, большей частью по домам крестьян. А ведь солдаты были из крестьян. Здесь они получали больше разной информации, а обыски проводились реже. Эти обыски почти ничего не давали, но раздражали и солдат, и офицеров.

В тылу было больше кадровых офицеров. Нам предъявлялось больше требований по повышению дисциплины, по выявлению неблагонадёжных элементов, ведущих антивоенную пропаганду. Выслушивая очередные инструкции, думалось, что дающие их так далеки от солдатских масс, что выполнение этих инструкций может дать обратную реакцию в их настроениях. Тех офицеров, которые давали инструкции, мы не видели на передовых позициях, и мы молчали. Выслушивая очередные инструкции, мне казалось, что я ничего не понимаю.

Жизнь среди солдат на фронте требовала другого: улучшения питания и материалов для строительства землянок и оборонительных сооружений, больше пулемётов, инструментов и приспособлений для ремонта вооружений. На эти просьбы мы получали отказ или обещания, которые не выполнялись. Свои просьбы я подтверждал рассказом, как моя землянка обрушилась и чуть не засыпала меня.

Нас, младших офицеров, на отдыхе постоянно занимали инструктажем или дополнительными учениями. Мы не имели не только газет, но и книг, все мы были плохо информированы о положении на фронтах, а ещё меньше о том, что творилось в нашей стране. Если что-либо и узнавали, то только из личных писем, а они писались скупо и осторожно. Кое-что можно было узнать из писем солдатам по их рассказам.

Начальник разведки

За несколько дней до возвращения на передовые позиции мне было объявлено о назначении начальником команды пешей полковой разведки. В задачи этой разведки входило проведение разведывательных операций на фронте полка и обобщение разведанных стрелковых рот. В полученных мною материалах о противостоящих немецких частях было известно их наименование, состав. Эти данные были очень бедны. Мы плохо знали об их планах; мы плохо знали своих врагов – разведчиков, которых чувствовали больше, чем они нас. Мы нередко слышали о нахальстве немецких разведчиков, которые гуляли между нашими проволочными заграждениями. У меня были свои планы действия, но эти планы в ближайшие дни были поломаны.

1917 год, февраль. Февральская революция в окопах

Нас задержали с отправкой на замену передовых частей. В один из дней февраля офицерский состав был вызван в большую землянку штаба полка. Мы выстроились побатальонно с командирами рот впереди. Я стоял впереди двух прапорщиков команды разведчиков. Командиры батальонов вполголоса переговаривались с командирами рот. Продолжительное ожидание прервалось появлением командира полка с адъютантом. Команда: «Смирно, господа офицеры!». Полковник нервно и неуверенно объявил документ об отказе царя Николая II от престола в пользу своего брата Михаила.

Наступила тишина. Неожиданность этого события нас как бы прижала к земле. Однако полковник продолжил сообщение об отказе Михаила от престола и переходе власти в Петрограде в руки Временного правительства. Когда полковник закончил чтение документа, опять тишина. Вдруг тишина была прервана одним офицером, кажется прапорщиком, который предложил послать телеграмму Временному правительству. Настала растерянность, кто протестовал, прапорщик настаивал, а командир дал команду: «Подождём!» Мы разошлись и тут же последовал приказ выйти на фронт на замену полка, занимающего укреплённую позицию «согласно дислокации».

Офицерское собрание и сообщение было секретным, и было приказано солдатам не рассказывать. Но солдаты знали. Разведчики, казалось, знали и молчали, но стоило мне появиться в моей старой роте, как солдаты сообщили мне о событиях в Питере.

Начинается расслоение в рядах войск фронта

Ещё недавно казалось – в рядах армии все спокойно. Казалось, офицерский состав был един у игорных столов, и только небольшая группа была в оппозиции к игрокам, правда, ссужали деньгами проигравшихся офицеров. Унтер-офицеры – среднее звено между офицерами и солдатами – как-то выполняли свои функции. Казалось, солдаты – это послушное стадо.

Но вот произошла Февральская революция, и произошло резкое разделение на три группы: офицеры, унтер-офицеры и солдаты. Какой-то каждая из групп стала обособленной силой. Но вскоре каждая эта сила стала делиться на три части: монархисты, республиканцы и беспартийные, т. е. не определившиеся, с кем им идти. В частности, я был близок к солдатам, а с кем я, я и сам не знал. Я не был с монархистами, но многие месяцы не был душой с революционерами. Помню, я сам спрашивал, куда идёт Россия, и не знал – куда, с кем я, тоже не знал.

Монархисты-офицеры нередко обнажали сабли. Как-то я был командиром в г. Новогрудов, где стоял штаб армии, с каким-то донесением. В офицерском общежитии – большой землянке, где, видимо, была не одна сотня кроватей, – по вечерам между офицерами шли такие страстные и злобные споры, что некоторые хватались за сабли. Но находились офицеры, которые «примиряли» непримиримых. Мы – маленькие офицеры – жадно прислушивались к дискуссиям, но были в стороне. Среди солдат стали появляться левые вожаки, их всё чаще стали называть большевиками. Они вели себя спокойно, с достоинством. Я помню разговоры с ними по отдельным конкретным делам, и их доводы в большинстве случаев были убедительными, и я был на их стороне.

Начальником полковой разведки я не прижился. Во-первых, я был, видимо, недостаточно грамотен. Во-вторых, я слабо был связан со штабными офицерами. В-третьих, мои планы на резкое улучшение разведывательного дела в полку, как-то никого не интересовали. А планы у меня были. Я их кое-кому показывал, но никто не решал эти вопросы, они не были актуальные. Я стал проситься в свою роту и вскоре вернулся в неё.

Здесь к этому времени шла борьба командира роты поручика Степанова с группой «смутьянов», от которых он пытался освободиться, но у него ничего не выходило. Когда он при мне ставил вопрос: или я – Степанов, или люди «нежелательные», то вся рота переходила к Степанову вместе с «нежелательными». Когда Сте-

панов резко требовал откомандирования «нежелательных», то вся рота протестовала. Когда Степанов заявил, что он вынужден будет уйти из роты, то из солдатских рядов вдруг послышались выкрики: «У нас есть Терентьев». Меня эти выкрики привели в большое смятение. С одной стороны, меня бодрило доверие солдат, с другой, было неудобно перед офицерами: казалось, я был их предателем. Однако вскоре Степанов ушёл, а я стал выбранным командиром роты. Большинство офицеров остались в роте.

Нарастающие трудности

Не бывшим на фронте в моей шкуре между февралём и октябрём не ясны огромные трудности того времени. На фронт иногда не давали продовольствия. Солдатам давали полфунта сухарей /это 100 грамм/¹, солдаты становились всё злее. А фронт есть фронт: сегодня спокойно, а завтра начинают лезть немцы, и дня три идут бои. Потом начинается братание солдатами, а у командира, у актива роты «ушки должны быть на макушке»: вот опять начинают бить по нашей высоте несколько дней. Били не случайно. Однажды, на рассвете, несмотря на наше сопротивление, они нашу высоту захватили. Резервов никаких, у артиллерии нет снарядов. Немцы влезли на фланге. Каждый день они фланговыми ударами огня нас беспокоили и немало поубивали наших солдат. Мы сговорились две роты и ночью под осенним дождём ползли, без выстрела сняли все «секреты» немцев и, ворвавшись в окопы, без поддержки артиллерии перекололи всех немцев. Здесь много дней было жарко, плохо нам было от немецкой артиллерии. Но русский солдат, голодный и холодный, когда он скажет «нет», будет «нет!» Немцам мы так больше высоту и не отдали.

Помню, мы отходили на отдых. Мне по телефону сообщили, чтобы ночью в определённый час с ротой я должен отойти на 5 – 7 километров от фронта на сборный пункт, где получим продовольствие, а мы были голодны. Пришли на сборный пункт, а там уже никого, и узнаём, что роты полка уже ушли. Выпал снег, наступило утро, нужно было уходить, и мы пошли дальше. Шли весь день и не догнали наших рот. Шли всю ночь и наутро вышли к землянкам в лесу. Оказались две землянки свободных, а разместились два взвода. Люди устали, валились с ног и засыпали.

---

¹Так в тексте. По-видимому, ошибка, так как фунт весит 400 граммов.
Прим. ред.

Когда солдаты улеглись, я стоял на улице один, усталый и одинокий. Нужно было связываться с полком, нужно позаботиться накормить людей. Но я валился с ног, а прилечь было некуда. На рассвете я заметил какую-то землянку. Спросил какого-то старожилу, что там и получил ответ, что это тифозный изолятор. Пошёл туда. Зажёг спичку и увидел разбегающихся крыс. Я снял шинель, завернул в неё голову, развалился на доски и уснул. Не знаю, сколько я проспал. Разбудили меня два солдата и сказали, что меня требуют в роту. Соскочив со своего ложа, в страшной тревоге я шёл в роту под конвоем этих солдат. Я молчал, молчали и они. Думал, ах чёрт, проспал, рота голодная, злая, что-то сейчас будет? На улице я не увидел своих солдат. Спрашиваю, где солдаты, они говорят в землянках. На улице был небольшой морозец. Вошёл в тёмную землянку и после ослепительного снега ничего не вижу, Чувствую, что в землянке полно народа и полная тишина. Нос чувствовал что-то вкусное съедобное, и я ничего не понимал. Я поздоровался, солдаты дружно ответили, осторожно меня усадили и стали угощать варёной картошкой. Этим вниманием солдат я был так растроган, что чуть не расплакался.

Оказалось, группа солдат, немного поспав, отправилась в поиски, нашла картофель, прихватили поросёнка, сварили на всю роту. Порции были маленькими, но люди перекусили, стали веселее, и мы вскоре нашли свой полк, где нас поджидали и приготовили для нас еду. Жизнь пошла своим чередом.

Нас переформировали в ударный батальон, и не прошло и двух недель, как мы вернулись на фронт. Поредели наши ряды. Один прапорщик – монархист сошёл с ума, другой прапорщик ушёл на Украину. В роте осталось два прапорщика. Впрочем, я в середине лета был произведён в подпоручики, но мы к этому времени не носили офицерских погонов. Это было небезопасно.

В этот период пришлось спасти дворец князя Мирского. Кто-то поджёг библиотеку и рядом картинную галерею. Мы стояли в деревне верстах в 4–5 от имения. Когда прибежали, из окон третьего этажа валил дым. Целый день тушили пожар и потушили. Солдаты кое-что растащили, к счастью, не было здесь винных погребов, а картины спасли.

Немцы на нашем фронте что-то замышляли, то и дело нас обстреливали, пытались перейти в наступление. Видимо, это были разведывательные операции; встреченные ураганным пулемётным огнём, они отступали. Не давали покоя немецкие снайперы. Молодое пополнение, которое мы получали, приносило много хлопот.

пот. Они были слабо подготовлены к бою, слабо дисциплинированы. Нередко при артобстреле можно было слышать крики: «Мама?!».

Перед Октябрём развёртывалось братание солдат, и здесь создавались новые трудности, т. к. они ставили задачу разложить ряды нашей армии. Всё чаще дезертиры из наших рядов уходили в тыл и больше не возвращались.

Как мы узнали об Октябрьской революции

Мы занимали позицию вдоль речки с высоким берегом, и этот берег пересекали проволочные заграждения. Каждую ночь немец приносил почту и вешал её на первую полосу проволочного заграждения. В почте были листовки, картинки и даже иногда газеты на русском языке. Они были слащавы, обвиняли русского царя и союзников в нападении на Германию, изображали немецкий империализм миротворцем, агитировали солдат бросать винтовки и уходить.

Мы решили захватить почтальона, а потом отпустить. Из пешей разведки вместе со мной ушли в роту несколько солдат в их числе кудрявый солдат – цыган крепкого телосложения и замечательный смелый разведчик. Я дал ему указание захватить «почтальона» на правом фланге, а он принёс почту на левый. На другую ночь мы стали сторожить его на обоих флангах нашей позиции, а он принёс почту в центр. Началась игра. Стало ясно, что немцы знают наши даже мелкие замыслы. Это меня встревожило, и я стал изучать нашего расположения.

По утрам над болотами стоял туман, скрываясь в нём я проходил поближе к позициям немцев и следил за передвижениями. Иногда туман быстро рассеивался, и я попадал под обстрел немцев. В результате походов я нашёл проложенные парные провода, они вели к нам. А в берегах были сделаны ниши и в них установлены подслушиватели. Кое-что я ещё обнаружил и научился новому у немцев.

Однако по истечении, примерно, месяца охоты в одну снежную ночь мы поймали «почтальона». Это был пожилой солдат, почти старичок. Он представился барабанщиком. Шинель его была основательно потрёпана и с красным погонами. Солдаты его покормили. В роте вместе со мной остался ещё один офицер-прапорщик, командир пулемётного взвода. Это был человек пожилой, лысый московский юрист, хорошо образованный, владевший несколькими иностранными языками. Прекрасно он говорил и по-немецки.

Выглядел прапорщик Круглов очень просто, был небрит и в солдатской шинели. Солдаты вели переговоры с «почтальоном», а Круглов переводил. В принесённой «почте» ничего нового по содержанию не было, и мы на Ротном комитете /такие одно время у нас в армии были/ решили в 12 часов дня, завязав «почтальону» глаза, вывести его через проволочные заграждения и отправить восвояси. Так и сделали, было спокойно, не стреляли ни мы, ни немцы.

Вечером, как только стемнело, наши «секреты» заняли свои позиции. Вдруг прибегает один солдат и сообщает, что к одному из «секретов» подошли два немецких офицера и приглашают русского офицера. Я захватил прапорщика Круглова, велел надеть ему шинель с погонами, сам надел шинель с погонами подпоручика и мы направились на вечернее свидание с немецкими офицерами. Была морозная светлая ночь. Когда мы подошли, офицеры стояли лицом к немецким окопам и, как по команде, повернулись к нам. Один из них – капитан был лет шестидесяти – видна была его седина. Второй был молодой круглолицый и краснощёкий, значительно моложе меня, а мне было тогда 20 лет.

Капитан на немецком языке поблагодарил нас за возвращение солдата, да ещё с подарком: ему дали буханку чёрного хлеба. Пожелали нам всего хорошего. И старший офицер говорит, что мы принесли интересную новость, которую вы едва знаете: она написана в газете. Офицер из бокового кармана своей короткой шинели мирного времени – стального цвета, вытащил газету и вручил мне. Мы поблагодарили и разошлись.

Да, немецкие офицеры принесли историческую новость. Это была немецкая газета и на третьей полосе во внешнем углу была колонка с двумя портретами, для нас совершенно не знакомыми.

Заголовок был «Революция в Петрограде» и сообщалось, что с 6 на 7 ноября (1917) в Петрограде совершена революция. Руководителем правительства назначен В.И. Ленин (Ульянов). Народным военным комиссаром назначен Л.Д. Троцкий. И в этом сообщении был портрет Ленина и ниже Троцкого. Так мы узнали о совершении Великой Октябрьской Социалистической революции.

Разброд

На фронт стало приходиться много газет – «Известия советских депутатов» и другие. Врагов у новой власти было много, и на каждом шагу они пытались гадить. И массы солдат, особенно из рабо-

чих, были за власть советов. Я был с массами, и с массами заочно поклонялся перед Лениным.

А на фронте продолжалась война, нажимали немцы. Мы, молодёжь, делали всё, чтобы сопротивляться немцу. Но в наших рядах было много кулаков – их представляли главным образом унтер-офицеры, были махровые монархисты, которые, притаившись, делали своё грязное дело, вплоть до убийства активистов из рабочих и крестьян. Дезертиры каждый день напоминали о себе. Неисчислимое количество вшей не давало спать. Голод брал за горло, всё чаще на фронт не поступало никаких продуктов, т.к. армейские органы снабжения разворовывали их и рассылали не туда. Анархисты – демагоги – грозили убить молодого офицера. Спасибо солдатам, окружающим меня, они и защитили и помогли.

Прошлым летом я переболел малярией, в тех условиях это была страшная болезнь. Единственно, что помогало – хина, но от неё я днями был глухим, слышал только звон в ушах. Но мы продолжали бороться с немцами, вшами, малярией, с вошью, голодом и холодом, а главным образом, с разбродом на каждом шагу.

Меня назначили командиром батальона, и я делал всё, что мог. Зима била нас повсюду. Декабрь, январь, и сибирские части начали разваливаться. Пришёл и мой черёд – худой, больной, разбитый, отправлялся я в так называемый отпуск на 56 дней. Уходил в отпуск опустошённый, без надежды и веры в будущее. Уходил, видя всюду разброд, не видя ничего созидющего.

Продолжение следует